

Б. В. Марков

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

В статье предлагается сравнительный анализ философских поисков национальной идеи в России и Европе. Сопоставляются воззрения М. Мамардашвилли, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, М. Шелера и О. Шпенглера, выявляются сходство и различие их определений национального сознания. Определены способы согласования различных концепций, каждая из которых пригодна для объяснения национального самосознания в тех или иных конкретных исторических условиях. Метафоры единства и целостности уже не дают исчерпывающего описания современности. Сложные отношения разных культур и народов невозможно описать какой-то универсальной теорией. Приходится разбираться с каждым отдельным случаем, используя при этом различные концептуальные системы и выявляя общие предпосылки и допущения. Сегодня ответственность интеллигенции состоит в восстановлении национальной идентичности, не вызывая «гения войны». Не подвергая сомнению необходимость соблюдения формальных требований толерантности, предлагается восстановить теоретико-этический принцип соседства и гостеприимства, обеспечивающий мирное существование людей, обреченных быть соседями. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: нация, национальная идея, национальный характер, национализм, народ, этнос, государство, общество, человек.

B. V. Markov

THE NATIONAL IDEA IN RUSSIA AND EUROPE

The article offers comparative analysis of philosophical research into the national principle in Russia and Europe. The views of M. Mamardaschvilli, N. Berdiaev, V. Solovoyov, M. Scheler and O. Spengler are compared. We also identify similarities and differences between their definitions of national consciousness. The means of harmonizing various concepts are defined, each of which is suitable for explaining some forms of national consciousness in specific historical circumstances. Metaphors of unity and integrity no longer give exhaustive descriptions of modernity. The complicated relationship of different cultures and peoples is impossible to describe through a universal theory. We must deal with each individual case using various conceptual systems and identifying common prerequisites and assumptions. Today the responsibility of intellectuals is to restore national identity without causing a “genius of war.” Without questioning the need for compliance with the formal requirements of tolerance, it is proposed to restore the theoretical and ethical principle of neighbourhood and hospitality, ensuring the peaceful existence of the people doomed to live its neighbors. Refs 13.

Keywords: nation, national idea, national character, nationalism, nation, ethnic group, State, society, man.

Теоретико-методологическая проблема, постоянно возникающая в разговорах о национальной идентичности, состоит в том, мыслить культуры как замкнутые органические целостности или как открытые системы, в основе которых лежат универсальные онтологические, логические, символические структуры [1, с. 27–36]. Не является ли такая модель остатком старого имперского мышления? Скорее всего, метафоры единства и целостности уже не дают исчерпывающего описания

Марков Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.markov@spbu.ru

Markov Boris V. — PhD, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.markov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

современности. Не следует ли отказаться от идеи охватить сложные отношения разных культур и народов какой-то универсальной теорией и вместо этого начать разбираться с каждым отдельным случаем, используя при этом различные концептуальные системы и выявляя общие предпосылки и допущения? И все же какой-то теоретико-этический принцип, обеспечивающий мирное существование, должен быть выбран. Не подвергая сомнению необходимость соблюдения формальных требований толерантности, можно попытаться обсудить возможности более «теплых» моделей взаимоотношения людей.

Национальное и национализм

С одной стороны, национальное сознание определяется как переживание идентификации индивида по отношению к этническому коллективу. С другой стороны, идентичность понимается как социальный конструкт. В отличие от функционалистского подхода натуралистическое истолкование нации настаивает, что она формируется дорефлексивным, в большей степени телесным, чем когнитивным, опытом солидарности и общности. Ведь нация — это народ, т. е. объединение соотечественников, а не профессоров философии. Странники либеральной демократии понимают нацию не как народ (этнос), а как политическое образование. А по мнению консерваторов, она самоопределяется на основе общей культуры, территории, языка и даже родства. Все это — формы органической целостности, единства.

Французы и итальянцы ценили нацию выше государства, понимая ее как ассоциацию свободных людей. Недаром они первые поддержали независимость Америки. В Германии нация, наоборот, понималась как культурное единство, задаваемое родным языком, ландшафтом, историей, произведениями искусства [2, с. 25–26]. Немецкие ученые считали главным условием формирования национального самосознания единство переживания, определяемое территорией. Согласно же французским этнографам, на первом месте стоит население, а территория — на втором. Суммируя эти мнения, можно сказать, что этос нации определяется образом жизни, культурой, хозяйством, территорией и соседями. На Западе и Востоке, на Севере и Юге, среди народов леса и степи, моря и рек, в зависимости от ландшафта менталитет и культура людей формировались по-разному.

Кроме внутренней потребности в самосохранении у каждого народа есть амбиция стать «всемирным». Франция стремилась к образованию человечества на основах свободы и равенства. Немцы несли мировой порядок и трудолюбие, но признавали право на культурное своеобразие. Германец, по Шпенглеру, индивидуалист, соединяющий свободу и обязанности по отношению к семье и государству. Таким образом, субъектом свободы выступает отдельный индивид (семья, сословия, нация) [3, с. 72]. Англия — родина дарвинизма — претендовала на мировое господство, исходя из тезиса о превосходстве белой расы. Опережая других в цивилизационном развитии, «добрые европейцы» оправдывали колониализм, который на самом деле сводился к покорению других народов. Русские в основном идентифицируют себя не как белые, а как православные. При этом образы мусульманина и католика, хотя и были нагружены негативными чертами, однако вовсе не исключали признания. Русский «народ-богоносец», согласно В. С. Соловьеву, должен взять на себя всемирно-историческую миссию служить другим народам.

Последователь Соловьева Е. Н. Трубецкой утверждал, что русские реагируют на зло смирением [4, с. 168].

Имперская функция христианства с новой силой проявилась во время Первой мировой войны, когда волна шовинизма накрыла с головой народы Европы. Н. А. Бердяев писал: «Меня поражал, отталкивал и возмущал царивший повсюду в Европе национализм... Национальность подменила Бога» [5, с. 260]. При этом он считал признаком национального мессианизма утверждение исключительной близости и первенства какого-либо народа к Христу. Классическим его выражением был ветхозаветный мессианизм, утверждающий богоизбранность еврейского народа. Поэтому нет ничего удивительного в утверждении русского Христа. Славянофильская идея, представленная А. С. Хомяковым, опиралась на веру в Россию как единственную спасительницу остальных народов и подстановку на место вселенского — православного, а на место православного — русского. Согласно К. С. Аксакову, Европа образована на вражде и насилии (германский дух). Наоборот, Россия — это мир и согласие, союз народа и власти. Ю. Ф. Самарин считал сутью русского самосознания синтез народной и религиозной общины. Семья, род, город, государство — это органические формы единства, выросшие на основе общей территории, совместной жизни и исторической судьбы. Достоевский добавил, что Европа проповедует не Христа, а Антихриста, что единственным народом-богоносцем остался русский народ.

Наши современники, скорее всего, отказались бы нести указанные миссии. Однако следы имперских дискурсов дают о себе знать в политике, искусстве, образовании и даже в науке. Железный занавес разрушен, но среди народов Европы трогательного единства еще не наступило. Хуже того, отношения России, Европы и Америки все еще остаются весьма напряженными и недоверчивыми. Строительство империй обычно ведется жестокими средствами и сопровождается покорением других народов. Сегодня имперское прошлое используется в идеологической войне для навязывания противнику комплекса вины. Особенно эффективно это реализовалось во время перестройки, когда призывали к покаянию за «ужасное прошлое». При этом под одну гребенку попали Великобритания, Франция, Германия и Россия. На самом деле это были очень разные империи. Во всяком случае, Россия не подходит под рубрику колониальной державы. Истоки рождения государственного и культурного своеобразия России относятся ко временам противоборства цивилизаций суши и моря, степи и леса. Входящие в состав России народы были соседями. Как водится, случались и конфликты. Но существовало нечто более сильное, заставлявшее жить вместе. Россия отличалась от империй, насильно колонизирующих доминионы. На Западе тевтоны, на Востоке монголы, на Юге турки — все они требовали высокой платы за покровительство и защиту, а также обращения в свою веру. Российский протекторат обходился меньшей данью, а главное, отличался терпимостью по отношению к местным обычаям и верованиям.

История отношений восточных и европейских государств складывалась по-другому. «Крестовые походы» предпринимались также в направлении России. Происходивший в ходе этой борьбы культурный обмен, к сожалению, был односторонним и сводился, как верно подметил Н. Я. Данилевский, к «прививке» отдельных, в основном технологических, достижений. Точно так же понятие Востока, по мнению Э. Саида, оказывается, с одной стороны, концептом Запада, а с другой —

предпосылкой социально-политических и экономических практик присвоения. Отношение Запада к Востоку было одновременно колониальным и идентификационным. Восток характеризовался как чужой, который эксплуатировался экономически, а на символическом уровне использовался для определения собственной сущности.

Как известно, вопрос об идентичности обостряется накануне побед и после поражений [6]. Сегодня, в постимперской фазе развития снова активно обсуждается вопрос о роли Европы в понимании народов Востока. Выдвигаются обвинения в культурном империализме. Они переносятся и на Россию. Более того, утверждается, что Российская империя была хуже Британской. С этим можно спорить. Достаточно сравнить произведения Киплинга и Толстого, чтобы уловить разницу отношений британцев к индийцам и русских к кавказцам. А В. С. Соловьев, говоря об исламе (в статье для словаря Брокгауза и Ефрона), в отличие от западных ученых, не наклеивал на Мухаммеда ярлык «ложного пророка». Исследователь-гуманитарий не может не учитывать ценности, которые являются общепризнанными в той или иной культуре и определяют действия людей почти с такой же необходимостью, как причинные связи в физическом мире. Однако он должен воздерживаться от их оценки в терминах «плохо» или «хорошо». А если он все же это делает, то обязан грамматически оформить свое суждение от первого лица и не навязывать свое мнение остальным. По мнению Б. Малиновского, нет культур худших и лучших, все они равноценны. Другие культуры являются друг для друга зеркалами, благодаря которым они могут увидеть самих себя.

Вопрос о том, какой народ или государство «хуже» или «лучше», в постколониальной фазе развития истории может обсуждаться публично сравнительно безболезненно и даже с юмором. Но следует учитывать оценочный характер этих суждений. Высказывание «Российская империя была хуже Британской» можно понимать и как положительную, и как отрицательную характеристику. Хорошо организованная империя, выкачивающая ресурсы из колоний, — это сегодня уже не позитивная оценка. Ясно, что эксплуатация стран третьего мира продолжается, хотя и другими способами. Россия тоже стала прибегать к использованию дешевой рабочей силы. Все-таки раньше мы говорили о служении другим народам.

Не стоит идеализировать прошлое, каким бы оно ни было, но можно использовать позитивную энергию «духа нации». Сегодня ответственность интеллигенции состоит в восстановлении национальной идентичности, не вызывая «гения войны». Следует осмыслить старые и искать новые формы и способы взаимопонимания людей, принадлежащих к разным культурам. Либеральный проект оказался внутренне противоречивым. С одной стороны, его основатели считали, что разум един для всех и язык науки является универсальным средством объяснения мира и общения между людьми. С другой стороны, реализация идей Просвещения привела к обесцениванию других культур. На европейских писателей и ученых легло обвинение в ангажированности. Их стали расценивать как имперских чиновников, описывающих образ жизни других народов для целей колонизации. Под маской рациональности скрывался старый дискурс, который сложился как выражение мужского соперничества, как самоутверждение героев-завоевателей.

Согласно либеральным моделям, в процессе цивилизации человечество освободится от привязанности к «крови и почве» и объединится на основе обще-

ственного договора, а затем перейдет во всемирно-гражданское состояние. Эта вера имеет серьезную поддержку, которая сегодня реализуется как глобализация. Предполагается, что жители мегаполисов независимо от цвета кожи, в силу одинакового образа жизни, становятся похожими. Но на деле мы видим, что столицы мира сегментируются по этнонациональным или религиозным признакам. При этом жители одного «гетто» не желают иметь ничего общего с другими. Можно сказать, что теоретики поспешно заявили о смерти богов, этносов, наций, государств, классов и т. п. Сегодня возникли серьезные сомнения относительно принципов мультикультурализма и толерантности, и политики стали прислушиваться к идеологам консерватизма, которые ведут поиски новых, более эффективных форм единства.

Либерализм является продуктом Просвещения, с его ставкой на разум и логику. Государство определяется как продукт рационального общественного договора, посредством которого планировалось достижение мира и счастья для максимального числа людей. Но сами «счастье» и «человечность» понимались как усредненные, а не уникальные характеристики. Таким образом, на передний план вместо политики, требующей самопожертвования, выдвигается экономика. Кроме экономики либерализм акцентирует этическое учение о свободе. Общество понимается как свободное объединение людей на основе рационального выбора. Орудиями свободы становятся рассуждения. Поскольку люди изначально добры, нет необходимости ни в авторитетах, ни в традициях, ни в запретах. Война, насилие, политика — все отходит на второй план, споры и конфликты решаются в судах, моральные вопросы обсуждаются в публичных дискуссиях. Искусство, философия, религия — все одинаково автономны, замкнуты на самих себя. Но над всем стоят экономика и закон — патенты и авторские права подлежат защите.

Если либерализм исходил из допущения доброты, то консервативная доктрина политической антропологии раскрывает дисгармоничность, двойственность, непредсказуемость и опасность человека. Это и есть собственно политическое мышление в отличие от размышления о политике. Включившись в политику, разум стал политическим фактором, начал битву за рациональность и моральность. Если либералы настаивали на верховенстве права, то консерваторы не считали, что право обладает абсолютной независимостью. При капитализме «верховенство закона» служит охране собственности. Достижением марксизма является разоблачение лицемерия, аморальности, цинизма буржуазии, апеллирующей к верховенству закона, легитимизирующей нищету миллионов. В отличие от разбойников финансисты вообще не несут никакой ответственности за грабеж. Это апофеоз эгоизма, они не думают ни о славе, ни об истории, ни о государстве, зато подвержены коррупции. Власть и деньги развращают людей. Учение Маркса о национальном содержит немало загадок. «Капитал» чем-то напоминает Евангелие. Вопрос в том, что в них общего и с кем сравнивать Маркса — с Христом или Павлом? А может, Маркс был един в двух лицах, т. е. был и автором, и менеджером своего учения. Ведь он не только написал «Капитал», но и содействовал организации Интернационала и коммунистической партии. Маркс сформулировал вселенскую идею и действовал по аналогии с Павлом, на что обратил внимание Бадью. Но говорит он от имени пролетариата, а не Бога. Это, конечно, существенная разница, однако именно пролетариат определял во времена Маркса судьбу истории и был, так сказать, «аватарой» Бога. При этом возникает прежний парадокс: учение написано от имени

того пролетариата, которого еще нет и который еще нужно воспитать на основе марксистского учения.

Свой интернационал создавал и капитализм, который зародился в Англии и выражал дух времени. Ему препятствует политический национализм. Только органический интернационал способен объединить государства, принадлежащие к единой культуре. Западный интернационал не может повлиять на Китай, Индию, исламские государства или Россию. Их реакция на него будет негативной. Если бы эти государства образовали свой интернационал, они стали бы объединяться на антизападной основе. Пока западной цивилизации не удалось превратить землю в арену своей деятельности и тем самым определить развитие остальных культур. Раздел Европы между США и СССР произошел в результате того, что европейские государства были отключены от политики. Образовался политический вакуум, который и заполнили другие страны, ставшие сверхдержавами. Проекты будущего Фукуямы и Хантингтона — это американские мифы. Скорее всего, они не реализуются, и мир не будет таким, как Америка.

Ксенофобия и ксенофилия

Философское исследование проблемы чужого предполагает концептуальный анализ, изучение разнообразных теоретических дискурсов, выявление их возможностей и границ. В результате рефлексии и критики различных программ (прежде всего либеральных и консервативных) можно сформулировать более или менее общую концепцию, интегрирующую различные подходы. Методы социальной и культурной антропологии, сложившиеся при изучении традиционных обществ, должны быть дополнены с учетом особенностей коллективной и индивидуальной психологии наших современников. Опираясь на многочисленные исторические, социологические и психологические исследования, можно выявить механизмы возникновения стрессовых и постстрессовых состояний людей, оказавшихся в зоне конфликта. Как правило, именно в таких ситуациях формируется образ чужого, который воспринимается как враг.

Нет ничего кажущегося более естественным, чем различие своего и чужого, друга и врага. Мораль рекомендует нам любить чужого. Но когда различие стирается, возникает ситуация неопределенности и наблюдается рост насилия. Поэтому в чрезвычайных ситуациях снова приходится реанимировать образ врага [7, с. 48]. Он является весьма сложной психополитической конструкцией. Обычно он интенсифицируется не только в состоянии реальной угрозы, но и как средство скрыть внутренние проблемы общества. Вместо того чтобы менять политику, говорят, что она ведется в правильном направлении, но враги препятствуют ее развитию и поэтому обещанное будущее отодвигается на неопределенный срок. При этом в качестве врагов чаще всего фигурируют представители маргинальных групп. После распада Советского Союза начались конфликты между бывшими республиками. Сегодняшние Россия и Европа тоже перестали понимать друг друга. Люди, группы, общества, оказавшиеся в ситуации поражения, должны как-то жить. Обычно в этой постстрессовой фазе процветают чувство мести и жажда реванша. Таким образом, круг насилия только расширяется. Поэтому необходимо понять, как в истории общества преодолевались подобные настроения, как общество возвращалось в нор-

мальное состояние. Философско-антропологическое осмысление данной проблемы соединяет анализ идей, настроений и телесных практик [8, с. 115]. Помимо теоретических построений необходимо исследование литературных произведений, в которых запечатлевается тот или иной образ чужого [9, с. 31]. Например, весьма перспективным представляется сравнительный анализ российской и европейской литературы. Он выявляет политическую роль искусства и тем самым обогащает наши представления о том, какими технологиями формируются чувства и настроения людей. Это позволит создавать более эффективные технологии формирования национального сознания.

Образ Европы в условиях современности

Накануне Первой мировой войны немецкие мыслители отстаивали необходимость существования сильного государства и писали о примате воина-героя, отрицающего английский торгашеский дух. Их самомнение существенно пошатнулось после поражения. При этом одни опасались русских, а другие — американцев. О. Шпенглер замечал усиление Америки и России, а для Германии считал достаточным быть лидером Европы. Он также допускал выход на мировую арену развивающихся стран, но не думал, что это произойдет быстро и окажется крайне опасным для Европы. В одной из лучших глав «Заката Европы», посвященной арабской культуре, не предполагается арабской весны и тем более возрождения исламского государства по образцу халифата. По мнению Шпенглера, Китай, Индия, арабский Восток — это спящие страны, отдыхающие от большой политики. Он также доказывал, что Европа тоже прошла пик своего развития и вступила в полосу постепенного упадка, который он назвал цивилизацией. Как противоядие он предлагал возрождение «фаустовского духа» в форме технических изобретений, социально-политических движений и художественных дерзаний.

Утрата интереса к «Закату Европы» связана с антидемократическими, антиэкономическими и прочими антитезами Шпенглера, с его тенденциозным описанием иррациональных сил истории. Как консервативная, так и критическая теория одинаково страдают подозрительностью, недоверием к мышлению, языку, к благам цивилизации, которые расцениваются как формы закабаления людей. И точно так же предлагаемые ими формы эмансипации имели если не худшие, то все же отрицательные последствия. Призывы к патриотизму и ответственности ущемляли личную свободу, а отказ от «тоталитаризма» обернулся примирением с абсурдной капиталистической действительностью. «Капитализм плоти», «когнитивный», «культурный» капитализм — это новые формы порабощения людей, которые анонимны и незаметны.

Судьба Европы вновь стала предметом осмысления в конце XX столетия, когда распад Советского Союза привел к переделу границ и трансформации менталитетов. Работа Ж. Деррида «Другой курс» интересна тем, что подвергает сомнению саму идею Европы, которую нельзя понимать как нечто застывшее, например традицию, заложенную в Греции и Риме [10, с. 12]. Проект возрождения предполагает память и верность традиции, ответственность перед прошлым. Но Европа не должна оставаться самодостаточной и самодовольной. Новый проект должен обладать свойствами неожиданности, непредвиденности, а не продолжать традиции

греко-римских завоеваний. Всякая культура, если она развивается, оказывается тождественной и нетождественной сама себе. Деррида позволяет себе усомниться в адекватности официальной терминологии происходящих перемен («перестройка», «демократизация», «либерализация», «свободный рынок») и оценивает их сквозь призму своей стратегии «призраков», согласно которой изгнанное из идеологии прошлое преспокойно живет в других дискурсах культуры.

Эти философские утверждения сопровождаются политическими коннотациями. Деррида описал новые формы борьбы за гегемонию. Речь не о том, кто станет столицей Европы в экономическом и даже культурном смысле. Он указал, что противоречие раздробленности и целостности сегодня разрешается уже не на государственном уровне. Транснациональные корпорации, банки, издательства, информационные концерны, международные университеты, распоряжающиеся «капиллярной сетью», по которой распространяется главный товар современности — информация, разрушают классическую великодержавную политику, ограничивают амбиции тех или иных национальных государств, оказывают сильное влияние на характер глобализации. С одной стороны, происходит отказ от тоталитаризма, при котором контроль информации осуществляется посредством ограничения доступа к ней. Но, с другой стороны, они же порождают новые, часто негосударственные формы контроля за общественным мнением и духовным наследием.

Тезис, точнее, программа стирания национально-этнических отличий для того, чтобы люди могли объединиться на новой основе как человечество, нуждается в тщательном обсуждении. С одной стороны, цивилизационный процесс, достигший фазы глобализации, действительно уравнивает образ жизни людей. Рынки и производство товаров способствуют повышению уровня комфорта и расширению коммуникации. Они связывают людей прочными экономическими узами, и мы уже вряд ли сможем когда-либо отделаться от оценки последствий тех или иных действий с точки зрения выгоды. Не стоит обвинять рынок и глобализацию во всех грехах. На самом деле именно они объединяют народы, которые производят товары и услуги и обмениваются ими с выгодой для себя. Но за глобализацию, как и за демократию, приходится платить довольно высокую цену. Происходит утрата ценностей, которые ранее составляли сердцевину любой человеческой общности. Сегодня все говорят о смерти Бога и человека, о кризисе семьи, образования и самого национального государства. Индивидуализм и одиночество, рост числа людей, не желающих нести бремя социальных обязанностей, вызваны распадом традиционных социальных и культурных пространств — дома, семьи, сельской общины, городской коммуны, в которых люди были связаны как звенья единой цепи.

В тревожные периоды истории теоретики начинают говорить об усилении государства, забывая о том, что оно, будучи сверхличным организмом, нередко выходит из-под контроля общественности. Как Молох, оно пожирает своих граждан, не повинуюсь доводам рациональности и экономической целесообразности [11, с. 265]. В этой связи Т. Адорно утверждал, что нельзя после Освенцима утешаться прежними иллюзиями гуманизма и рационализма [12, с. 322]. Абсолютная идея воплотилась в устройстве концлагерей, к которым М. Фуко добавил тюрьмы, психбольницы, а также фабрики и учреждения образования. По мнению Н. М. Гиренко, даже в цивилизованных обществах накапливается страх насилия, страдания и боли, который по-прежнему снимается ритуалами жертвоприношения [13, с. 88–114].

Это кажется немыслимой жестокостью, и тем не менее, по мнению Р. Жирара, жертва как губка впитывает и уносит с собой заразивший все общество коллективный страх, когда все боятся друг друга. Дело дошло до того, что, буквально по К. Шмитту, сегодня вновь взялись различать друзей и врагов. Это плохой способ идентификации, к которому прибегают неуравновешенные политики. Поэтому, признавая открытость разного рода конфликтов, все-таки следует просчитать их последствия и не раздувать их без надобности. Столь же осторожно нужно говорить о ненависти. Возможно, ее отрицательная энергия каким-то образом может быть использована позитивно, но и в этих случаях необходимо избегать эксцессов. Одних моральных призывов для этого явно недостаточно. Но нельзя ограничиваться и практиками насилия. Опыт мышления, моральной и философской рефлексии необходим для разрешения конфликтов. Психоистория малых народов нередко характеризуется острым переживанием ресентимента. Поэтому страшилка «большого брата» навязчиво повторяется политической элитой постсоветских республик и переходит в жажду реванша. Глядя на то, что там происходит, трудно удержаться от ностальгии по старому порядку.

Если попытаться дать дефиницию духу нашего времени — это экстремизм. Экстремист — это тот, кто создает ситуацию, в которой нормальное существование оказывается невозможным. В экстремальных ситуациях люди часто ведут себя хуже зверей. Все это и заставляет дополнить философию ненасилия принципом ответственности: всеми возможными способами следует препятствовать созданию и осуществлению чрезвычайных ситуаций. В противоположность пуристам, стоящим на страже последовательных, логически непротиворечивых концепций, можно предложить такую модель соотношения национального и универсального, которая позволяет ориентироваться в поле пересечения исторических, психологических, антропологических, культурных, экономических и многих других условий и обстоятельств, определяющих поведение людей. Она может быть основой разумной и взвешенной политики, способствующей сохранению культурного своеобразия народа в условиях глобализации.

Что касается ответа на символические амбиции русских, евреев или арабов, к ним, конечно, нужно отнестись с долей юмора, но не забывать при этом о страданиях, которые причинили этим народам «добрые европейцы». И мы должны время от времени напоминать о жертвах, вскрывая причины взаимной ненависти и страхов. Даже если при этом выяснится, что мы пока еще не можем жить мирно, то лучше отгородиться границами и таким образом сохранить себя. Но не о войне сегодня надо думать, а искать пути мирного сосуществования, причем не только русских и европейцев, но и учитывать разбуженный Восток. Именно с этой целью стоит продумать амбиции больших наций, знать, как они будут осуществляться. Претензия на всемирно-историческое значение успешно осуществлялась там и тогда, где и когда это оказывалось приемлемо для других людей и народов.

Литература

1. Марков Б. В. Механизм и организм: качественный и количественный подходы в науках о природе и человеке // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2014. Вып. 1. С. 27–36.
2. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. Е. Б. Колесниковой. СПб.: Русский мир, 2012. 688 с.

3. Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха. СПб.: Владимир Даль, 2015. 345 с.
4. Трубецкой Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм. Избранное. М.: Правда, 1995. 645 с.
5. Бердяев Н. А. Самопознание. СПб.: Лениздат, 1993. 260 с.
6. Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991. 461 с.
7. Blumenberg H., Schmitt C. Briefwechsel 1971–1978. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. 309 S.
8. Scheler M. Nation und Weltanschauung // Scheler M. Gesammelte Werke. Bern, 1963. Bd. 6. S. 115–221.
9. Подорога В. А. Мимесис. М.: Культурная революция, 2011. 608 с.
10. Derrida J. Das andere Kap // Die vertragte Demokratie. Zwei Essay zu Europa. Frankfurt am Main, 1992. 69 S.
11. Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944 гг. СПб.: Владимир Даль, 2015. 91 с.
12. Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
13. Гиренко Н. М. Морфология, идеология насилия и стратегии выживания // Антропология насилия / отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 88–114.

Для цитирования: Марков Б. В. Национальная идея в России и Европе // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 40–49. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.105.

References

1. Markov B. V. Mekhanizm i organizm: kachestvennyi i kolichestvennyi podkhody v nauках o prirode i cheloveke [Mechanism and Organism]. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Series 17, 2014, issue 1, pp. 27–36. (In Russian)
2. Chemberlen Kh. S. *Osnovaniia deviatnadsatogo stoletia* [The Foundations of the Nineteenth Century]. In 2 vols. Vol. 1, transl. from German into Russian E. B. Kolesnikova. St. Petersburg, Russkii mir Publ., 2012. 688 p. (In Russian)
3. Shpengler O. *Vossozdanie Germanskogo reikha* [The re-establishment of the German Reich]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2015. 345 p. (In Russian)
4. Trubetskoi E. N. *Staryi i novyi natsional'nyi messianizm. Izbrannoe* [Old and new national messianism. Selected works]. Moscow, Pravda Publ., 1995. 645 p. (In Russian)
5. Berdiaev N. A. *Samopoznanie* [Selbsterkenntnis]. St. Petersburg, Lenizdat, 1993. 260 p. (In Russian)
6. *Vekhi. Intelligentsiia v Rossii* [Vehi. The intelligentsia in Russia]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1991. 461 p. (In Russian)
7. Blumenberg H., Schmitt C. *Briefwechsel 1971–1978*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2007. 309 p.
8. Scheler M. Nation und Weltanschauung. Scheler M. *Gesammelte Werke*. Bern, 1963, Bd. 6, pp. 115–221.
9. Podoroga V. A. *Mimesis*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2011. 608 p. (In Russian)
10. Derrida J. *Das andere Kap. Die vertragte Demokratie. Zwei Essay zu Europa*. Frankfurt am Main, 1992. 69 p.
11. Noimann F. L. *Begemot. Struktura i praktika natsional-sotsializma 1933–1944 gg.* [Behemoth the structure and practice of national socialism 1933–1944]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2015. 91 p. (In Russian)
12. Adorno T. V. *Negativnaia dialektika* [Negative Dialektik]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2003. 374 p. (In Russian)
13. Girenko N. M. [Morphology, ideology of violence and strategies of surviving]. *Antropologiiia nasiliia* [Antropology of violence]. Eds. V. V. Bocharov, V. A. Tishkov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 88–114. (In Russian)

For citation: Markov B. V. The national idea in Russia and Europe. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 1, pp. 40–49. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.105.

Статья поступила в редакцию 23 августа 2016 г.
Статья рекомендована в печать 28 октября 2016 г.